

О топониме «Орын ганц модн» в ойратском сочинении XVIII века «История Хо-Урлюка»¹

Калмыки, как и их предки ойраты, будучи в прошлом кочевым народом и перемещаясь на обширных пространствах евразийских степей от Хангайского хребта в Центральной Монголии до р. Дон в Восточной Европе, сменили в течение столетий своей истории множество территорий. Название многих местностей, где они обитали в разные исторические периоды, были со временем забыты и остаются неизвестными современным исследователям.

Встречающиеся изредка в источниках ойратские и калмыцкие топонимы в большинстве своем не идентифицированы и не привязаны к конкретным местностям. Одним из таких названий мест обитания ойратов и калмыков в XVII–XVIII вв. является топоним «Орын ганц модн» (букв. «Одинокое дерево на [реке] Орь»). Оно впервые упоминается в ойратском историческом сочинении «История Хо-Урлюка» (“*Qo Örlög-ün teüke*”), написанном на ойратском языке во второй половине XVIII в. Нами использован текст этого источника из сборника «Ойратские исторические источники» (“*Oyirad teüke-yin durasqal-ud*”), изданном на старописьменном монгольском языке в Синьцзяне в городе Урумчи (КНР) в 1992 г. Рассматриваемый здесь источник был найден у ойратов Синьцзяна преподавателем Синьцзянского педагогического университета Шилэйгин Норбо, который издал его в номере за 1983 г. в выходящем на «ясном письме» журнале «Хан-Тенгри». Затем в 1992 г. ученые из КНР опубликовали

¹ Работа выполнена по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

«Историю Хо-Урлюка» в переложении на старомонгольскую письменность в сборнике «Ойратские исторические памятники» [1]. В 2001 г. этот же источник был издан на кириллице в Улан-Баторе монгольским ученым Надвидийн Сухбатором во втором выпуске сборника «Источники по истории ойрат-монголов» [2]. Вот это место из данного исторического сочинения в русском переводе: давние времена Хо-Өрлөк вначале известил Батура-хунтайджи о [предстоящей] откочевке 15 тысяч кибиток из [местностей] *Хобог-Сайир* и *Эмэль*, доложив [следующее]: «Местность Хобог-Сайир оскудела и людей в ней мало. Моим подданным людям (*албату*) в ней не прокормиться, если они не найдут себе пропитания, сея зерно. Дам-ка я им окрепнуть, перекочевав в [местность] Орын ганц модн, находящуюся к северу от [кочевий] хойтов, и наказав им сеять там зерно». Остальные все ойраты прослышали о том, что [людей Хо-Өрлөк] из [местностей] Хобог-Сайир и Эмэль переселили в [местность] Орын ганц модн, где те, занимаясь хлебопашеством, всячески благоденствуют в мире и согласии в то время, как у [других] князей их люди, которые голодали, умерли. Все они [тогда] бежали и присоединились к Хо-Өрлөку. Он [их] принимал у себя, и оттого, что он сделал их своими албату [крепостными – В. С.], то [количество подвластных ему людей] за несколько лет увеличилось до 40 с лишним тысяч семей. Они стали кочевать дальше и вступили на территорию между реками Волгой (Иджил) и Уралом (Зай).

После того, как к прикочевавшим [сюда] со своими кибитками и женами 40 тысячам семей затем присоединились также вместе со своими воинами князя [других] четырех подразделений ойратов: хошуты, джунгары, хойты и дэрбэты, численность волжских торгутов-ойратов сильно увеличилась. Рассказывали, что находившиеся здесь в бегах ойраты и убежавший скот стали использовать [местность] *Орын ганц модн* как летние пастбища» [1, с. 38–39].

Известно, что экстенсивное скотоводческое хозяйство кочевников-ойратов постоянно терпело большой урон при наступлении неблагоприятных погодных условий. Такие чрезвычайные обстоятельства, как гололед зимой, бескормицы из-за засух в летнюю пору, эпизоотии и др. приводили к массовому падежу скота, что могло побудить обнищавших и терпящих голод скотоводов заняться примитивным земледелием. Именно о подобном случае вынужденного перехода торгутов к занятию земледелием идет речь в нашем источнике, хотя не указано, когда именно произошло это событие. Упоминание имен торгутского тайши Хо-Өрлөк (известного в русских документах как Хо-Урлюк) и джунгарского правителя Батура-хунтайджи позволяет датировать описанное событие 30-ми гг. XVII в., т.е. временем, когда кочевое объединение торгутов под предводительством Хо-Урлюка

перекочевало из степей Западной Сибири в Южное Приуралье. Батурхунтайджи, которого Хо-Урлюк известил о своей откочевке и получил на это его согласие, стал правителем Джунгарского ханства и главой Ойратского Союза в 1635 г. после смерти своего отца тайши Хара-Хулы.

Издатели «Истории Хо-Урлюка» в сборнике «Ойратские исторические памятники» не смогли распознать гидроним Орь (от казах. *ор* – «ров, канава») в названии местности *Орын ганц модн*. В их комментарии высказано предположение о том, что это была «пастбищная территория по течению р. Тобол западнее среднего течения р. Иртыш, к югу от места впадения Тобола в Иртыш» [1, с. 49]. По их словам, «начиная с откочевки на запад Хо-Өрлөка и вплоть до гибели Джунгарского ханства торгуты, когда двигались прямой дорогой от Волги к оз. Балхаш, то в большинстве случаев из-за обилия [на их пути] песчаных барханов и больших камней прибывали с Волги [сначала] в местность Орын ганц модн, а затем поднимались вверх по Иртышу и достигали своей ойратской родины» [1, с. 49].

На самом же деле местность Орын ганц модн находилась на р. Орь, в чем нас убеждают показания русских источников XVII–XVIII вв. Причем, судя по этим показаниям, это было значимое место для кочевавших здесь калмыков. В 40-х гг. XVII в. в данной местности располагались своими кочевьями подвластные люди торгутского тайши Елдена (сына Хо-Урлюка и брата старшего тайши Дайчина). Сюда в 1645 г. отправилась русская миссия Алферия Кудрявцева, посланного царскими властями в калмыцкие улусы из Уфы, чтобы уговорить торгутских тайшей принять русское подданство [3]. Переговоры с ними велись, как указывает М. Л. Кичиков, на реке Орь [3, с. 88]. В русских документах того времени появляется и название интересующей нас местности. Вот что пишет об этом, основываясь на русских архивных документах, в своей готовящейся к печати монографии В. Т. Тепкеев (цитирую с его любезного согласия): Посольство А. Кудрявцева в количестве 50 человек выехало из Уфы 21 марта 1645 г. и, прибыв 21 апреля 1645 г. в калмыцкие кочевья, побывало по очереди в улусах торгутских тайшей Лузана, Нима-Церена и Елдена. «Все это время тайши активно консультировались между собой, а 17 июня на реке Орь в урочище Одного дерева (в улусе Елдена) (подчеркнуто мною – В. С.) у них произошел общий съезд, где присутствовали все торгутские тайши, ногайские и татарские мирзы (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 266–267; 1646 г. Д. 1. Л. 181–182)».

Это урочище с одиноко растущим деревом как сакральной точкой пространства, где живет человек, очевидно, служило местом сбора для калмыков и совершения ими там определенных религиозных обрядов. Почитание деревьев издревле было свойственно многим народам, что объ-

ясняется сакрализацией ими доминирующих объектов ландшафта, будь это гора либо какая-нибудь другая возвышенность или дерево. В данном случае – это одинокое высокое дерево, выросшее на огромном степном пространстве. Оно, по-видимому, было включено обитателями этих мест в разряд особо почитаемых объектов ландшафта. В качестве такового оно сохранялось в их памяти долгие годы даже тогда, когда калмыки откочевали отсюда дальше на запад, в пределы Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья. Во всяком случае урочище Орын ганц модн упоминается в русских документах гораздо позднее, уже во второй половине XVIII в. при описании событий, предшествовавших уходу калмыков в 1771 г. в Китай. В т. I «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» сообщается следующее: «Первое детальное сведение о совещаниях заговорщиков и о предмете обсуждений содержалось в письме Замьяна Н. А. Бекетову (в то время астраханский губернатор. – В. С.) от 28 февраля 1767 г. Автор письма сообщал, что посланный в Санкт-Петербург Дондук-Джамцо дал знать заговорщикам о том, что якобы у России с Китаем война и будто бы китайское войско уже подошло к р. Ори, “где есть одно древо” (подчеркнуто мною. – В. С.). Нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг, Яндык и Басурман-Тайджи и несколько зайсангов якобы решили получить через специально посланного в Оренбург разведчика точные сведения, и в случае, если китайское войско действительно находится так близко, то со всеми улусами идти с ним на соединение» [4, с. 425].

К сожалению, содержащиеся в ойратском источнике сведения не позволяют более точно определить, где находилась данная местность, сказать, что за дерево росло там и какие обряды там совершались. Однако можно попытаться это сделать, основываясь на религиозно-мифологических представлениях других тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Предки калмыков, уйдя из этого региона, тем не менее, долгое время сохраняли центральноазиатские традиции своей культуры, в том числе ритуально-магический пласт, связанный с исполнением определенных обрядов перед деревом как культовым объектом. Этнологи отмечают, что «как в любой культуре, дерево в мировоззрении монгольских народов является доминантным символом, многозначным и полифункциональным, определяющим формальную и содержательную организацию вселенского пространства» [5, с. 149]. Священное дерево воспринималось ими как вместилище особой силы, влияющей на жизнь человека. Как пишет Э. П. Бакаева, у калмыков «... вероятно, представления о духах-хозяевах местности были связаны с деревьями. Последние запрещалось трогать без крайней необходимости; по дереву не разрешалось стучать, тем более – по деревянным частям решетки. ... Со священными деревьями и горами у

монголов связывался Белый старец, что отражено в представлении о его защите, если человек нечаянно сломал ветку дерева» [6, с. 101]. У ряда этнических групп калмыков сохраняется древний обряд поклонения божеству *Цаһан аав (авһ)* на вершине кургана *ова*, на котором устанавливался символ дерева – столбик из хвойного дерева [6, с. 98–101]. В прошлом в дни летнего праздника *Үрс сар* к божеству Белый старец *Цаһан аав (авһ)* калмыки обращались с просьбами о даровании плодородия, дождей, богатой растительности, наличие которой являлось одним из условий успешного скотоводства. Обычно на кургане либо рядом с ним находились почитаемые деревья [6, с. 110]. К нему в дни празднования летнего праздника *Үрс сар* в середине первого летнего месяца обращались калмыки «с просьбами о даровании плодородия, дождей, пышной растительности, способствующей развитию скотоводства», совершая жертвоприношения у священного дерева. Кроме того, мы узнаем из русских источников, что в местности Орын ганц модн с одиноко растущим деревом собирались калмыцкие правители для обсуждения и принятия важных и судьбоносных решений. Вне всякого сомнения, для них это была заповедная территория, а такие мероприятия должны были обязательно сопровождаться поклонением священному дереву с совершением определенных религиозных обрядов, восходивших к архаическому мировоззрению из добуддийского прошлого ойратов и калмыков.

Хотя ни о чем подобном не говорится в упомянутых выше источниках, но мы можем гипотетически предположить нечто подобное, основываясь на дошедшем до нас описании аналогичных обрядов у казахов, занявших кочевьями со второй половины XVII века данную территорию после ухода отсюда калмыков. Они обладали похожими религиозно-мифологическими представлениями, сфокусированными вокруг определенного доминирующего элемента культового объекта. Понятно, что сакрализация единственного дерева, растущего на огромном пустынном пространстве зауральской степи, превращение его в особо почитаемое святилище могли иметь место и в прошлом, еще до прихода калмыков, и после их ухода. История таких святилищ обычно насчитывала многие десятилетия и даже века.

Так произошло и с одиноким деревом на реке Орь. Оно сделалось особо почитаемым объектом ландшафта и у поселившихся в этих местах казахов Младшего жуза, которые, возможно, унаследовали культ данного конкретного дерева у прежних обитателей-калмыков. Известно, что в «кочевье по Орь-реке» пребывал незадолго до своей гибели хан Младшего жуза Абулхаир (1680–1748), бывший с 1719 г. старшим ханом казахов. Отсюда он вел переписку с высокопоставленным русским дипломатом и администратором А. И. Тевкелевым [7, с. 266–267]. К 40-м гг. XIX века

территория Южного Приуралья окончательно вошла в состав Российской империи.

Благодаря свидетельству очевидца, можно точно установить местонахождение этого дерева, также получившего у казахов название Джангызагач (букв. «одинокое дерево»). Оно росло в местности между реками Уймула (Курпе) и Карабутак в бассейне р. Орь еще в середине XIX века. Его видел украинский поэт-демократ Тарас Шевченко, который провел в ссылке в Оренбургской губернии (частично в Оренбурге) целых 10 лет. Он проезжал через р. Орь в мае 1847 г. во время девятого перехода транспорта из Орской крепости в недавно созданное Раимское укрепление. В своей повести «Близнецы» [8, с. 7–114] поэт так описывает встречу со «святым деревом»:

«...Орь осталася вправо, степь принимала по-прежнему свой однообразный, скучный вид. В половине перехода, я заметил, люди начали отделяться от транспорта, кто на коне, а кто пешком. И все в одном направлении. Я спросил о причине у ехавшего около меня башкирского тюря, и он сказал мне, указывая нагайкою на темную точку: «Мана ауля агач» (здесь святое дерево). Это слово меня изумило. Как? В этой мертвой пустыне дерево? И уж, конечно, коли оно существует, так должно быть святое. За толпою любопытных и я пустил своего воронка. Действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную толпу, с удивлением и даже (так мне казалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешано набожными киргизами кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма (пучок – В. С.) лошадиных волос, и самая богатая жертва – это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке. Глядя на все это, я почувствовал уважение к дикарям за их невинные жертвоприношения. Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как бы не веря виденному мною чуду. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головою. А я, в забытии, как бы живому существу, проговорил: “прощай” и тихо поехал за скрывшимся в пыли транспортом» [8, с. 90].

Воспоминания, навеянные посещением местности с одиноким растущим деревом (поэт называет его «джангысагач»), легли затем в основу первых набросков и самой акварели «Джангысагач» и стихотворения-поэмы Шевченко «У бога за дверью лежала секира...» [9, с. 131–132; 10, с. 120–122], написанного в 1846 г. в Орской крепости. Оно представляет собой поэтическую обработку казахской легенды. В заключительной части своего стихотворения поэт поместил поэтическое описание «священного дерева»:

Одно в пустыне при долине
На краю дороги
Встало дерево большое
Покинуто богом;
Обойденное секирой,
Огнем непалимо,
О годах давно минувших
Шепчется с долиной.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
На равнину приезжают,
Под листвою густою
Жертвы дереву приносят,
Просят, умоляют,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

Из рассказа Т. Г. Шевченко мы узнаем, что «одинокое дерево на р. Орь» было тополем. Тополь наряду с сандалом считался у калмыков священным и магическим деревом, символом счастья и благоденствия [11]. Благодаря его описанию мы можем точно установить местонахождение дерева и ландшафт местности, где разворачивались знаменательные и судьбоносные события истории калмыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Sinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. С. 46–63.
2. Ойрад монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II. Улаабаатар, 2001. С. 155–166.
3. Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 87–89.
4. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: ГУ «Издател. дом «Герел», 2009. 848 с.
5. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М., 2008. 341 с.
6. Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста, 2009. 158 с.
7. См. «Журнал происходящим по комиссии бригадира Тевкелева киргискайсацким делам 1748 года» в сб.: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.

8. Тарас Шевченко. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Повести. 1855–1858. Киев: Изд-во АН УССР, 1949. 651 с.
9. Тарас Шевченко. Избранные произведения / пер. А. Суркова. Л.: Ленинград. газ.-журн. и кн. изд-во, 1952. 678 с.
10. Тарас Шевченко. Лирика / пер. с укр. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1961. 306 с.
11. Манджикова Б. Б. Растительный мир «Джангара» // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б. Х. Тодаевой). Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 111–118.